

Выпуск новостей традиционно завершался прогнозом погоды. Затянутая в элегантный костюм красotka, старательно тараща глаза, водила руками по виртуальной карте и пугала надвигающимся циклоном.

Ольга отвернулась от экрана телевизора и с вялым безразличием посмотрела в окно.

И небо было не небо. Серое недоразумение. Тяжелые тучи без единого просвета низко висели над горизонтом, а в прорехи уже сыпался снег. Синоптики на сей раз не подкачали, угадав погоду аж на три дня. Впрочем, если она не меняется, ничего удивительного тут нет.

Все это как нельзя более точно отвечало Ольгиному настроению. Еще ни разу ей не довелось приехать в когда-то родной, а теперь чужой, проклятый всеми богами город в ясный солнечный день. В этом скрывалась то ли ирония судьбы, то ли сочувствие матери-природы, то ли нездоровый мазохизм. Ольга склонялась к последнему, потому что выбрать для ее, по сути, никому не нужного ритуала еще менее подходящее время, чем середина февраля, было сложно. Каждый раз она обвиняла себя в черствости и бессердечности. И тут же отгоняла трусливые мысли, снова вспоминая о сыне.

В течение этих трех лет не было ни дня, чтобы Ольга о нем не думала...

Сборы много времени не заняли. Подумаешь, однодневная поездка. Четыре часа в одну сторону, столько же в другую. И какое-то время там... Покидав в дорожную сумку вещи, она сварила кофе, добавив туда изрядную порцию коньяка, и забралась с ногами на табурет, доедать остывшую яичницу, отвратительную, скользкую, с привкусом сала.

Муж, перекочевавший в категорию «бывших», был холоден и не знал жалости. Он наверняка не мучился, как она. Во всяком случае, хотелось думать именно так. В той боли и тоске, что съедали ее без остатка, нужно было кого-то обвинить, и муж подходил для этого лучше всего. Чем меньше времени оставалось до дня обязательного ритуала, тем сильнее Ольга ненавидела Алексея и жалела себя. Наверное, потому, что пожалеть ее было некому.

Утро медленно и неохотно вступало в свои права, как всегда это случается зимой. Просыпающийся город гудел автомобильными клаксонами, подмигивал огнями светофоров. В доме слышались голоса проснувшихся людей. Гремел лифт, хлопали двери. Оттого, что там, за закрытыми дверями, всюду кипит чужая, равнодушная к постороннему несчастью жизнь, хотелось выть. Телевизор бодро журчал ненатурально-веселыми голосами дикторов, и Ольга раздраженно выключила его, не желая, чтобы в этот день ее отвлекали от тщательно взлеянного горя.

Бывший, чурбан бесчувственный, этого наверняка не испытывал. В дороге Алексей преимущественно молчал,

а если приходилось обращаться к экс-супруге, от его тона веяло таким холодом, что в прежние счастливые времена она бы умерла от страха. А сейчас Ольге было все равно, что и как муж говорит. Она нисколько не сомневалась, что Алексей ненавидит ее так же сильно, как и она его. Удивительно, что они уже трижды ездили в город похороненной семейной жизни, и даже ни разу не поссорились, старательно залепив лейкопластырем боль и взаимную неприязнь.

Ни она, ни он не пытались вспоминать, как когда-то любили друг друга. И это единодушие Ольгу вполне устраивало. И когда на столе запрыгал сотовый, она подумала лишь о том, что целый день ей придется провести с человеком, испытывающим к ней жгучую ненависть.

Стоило снегу под ногами громко захрустеть, Ванька останавливался и пугливо озирался по сторонам. Каждый раз он ругал себя последними словами и клялся делать это незаметно. Ну кому придет в голову подглядывать за ним сейчас?

Двадцать шагов до забора. Двадцать пять до угла. По пути обязательно проверить печать на тяжелом замке, как велит инструктаж, но Ванька не собирался этого делать. Чего ее проверять каждые пару минут, если вокруг — никого, а проникнуть на продовольственный склад можно только через единственную дверь, над которой висит яркий, раскачивающийся на ветру фонарь. В караулке дрыхнет дежурный и остальные срочники, один из которых должен будет сменить его на посту. Недалеко от караулки в бетонном заборе скрыта дыра. Летом и в начале осени солдаты бегают через нее «на гражданку»:

в круглосуточный ларек на станции или пошарить на пустующих дачах. Но сейчас, зимой, на дачах делать нечего, да и сгонять в ларек охотников не находится.

Сегодня Ванька вообще-то не должен был заступать в караул, но старшина застукал его спящим и решил наказать. Слабая надежда на санчасть тоже испарилась, хотя Ванька чувствовал идущий циклон, как все гипертоники. Врач, выслушав его торопливые жалобы, криво ухмыльнулся, вынул из ящика стола пластинку анальгина, разломил таблетку пополам и протянул Ваньке.

— Эту половинку выпьешь утром. Эту — вечером. Смотри не перепутай.

И еще хохотнул, мол, зацени, салага, суровый армейский юмор.

Ванька таблетку взял, хотя прекрасно знал: толку от нее не будет. С середины осени и почти до конца весны парня мучила мигрень, от боли хотелось выть. С таким диагнозом в военкомате должны были сразу выдать белый билет, но по большому счету до призывников никому нет дела. Не помогла ни пухлая медицинская карта, ни мольбы матери, доказывающей, что мигрень — это наследственное, память о папашке-негодяе, бросившем семью. На медкомиссии мать выслушали без особого интереса и рассказом не впечатлились. Вот уже больше полугода Ванька ходил в строю, горланил дурным голосом старые армейские песни, потел на полосе препятствий да еще минимум раз в месяц, облаченный в тяжелый тулуп и валенки, с автоматом на ремне охранял склады. Это было, пожалуй, самое неприятное. В холодную погоду бродить вокруг одного и того же склада — занятие не из легких, да и старшина, удод и гоблин, по-

ставил его в самую неудобную вторую смену, но сегодня, страдая от мигрени, Ванька не возражал.

Голова болела с самого утра, а под вечер даже легкое прикосновение к ней вызывало жгучую тошноту, верный признак приближающейся непогоды, затяжных вьюг и снегопада.

Ванька тяжело задышал ртом и даже распустил завязки форменной шапки, а потом, сорвав ее с гудевшей головы, с наслаждением подставил лоб пронизывающему ветру, не заботясь о том, что простудится и завтра ляжет. Что угодно, лишь бы сейчас притупить эту тошнотворную боль. Сняв тяжелые трехпалые армейские рукавицы, он неуклюже нагнулся в своем тяжелом тулупе и зачерпнул ладонью снег. Разделив его на две неровные кучки, Ванька стиснул зубы и прижал рассыпчатые холодные комья к вискам.

Эх, Анька, Анька, как же ты могла, сука...

Звонить домой получалось редко. Старенький мобильник у него отобрали еще в первую неделю. Потом мать прислала другой, самый простой и дешевый, добавив немудреные гостинцы: банку варенья, сигареты и шерстяные носки. Пополнять баланс ей приходилось самой. Ванькиным телефоном пользовались все кому не лень, отчего деньги на счету заканчивались с катастрофической быстротой. Старшина зверствовал, отбирал мобильные, вопя что-то о военной тайне. Ванька фыркал: можно подумать, воинскую часть нельзя было разглядеть со спутника. Вон, в том же Яндекске ткни в пару кнопок и смотри сколько влезет, где ангары с техникой, где штаб, а где клуб. Так что сотовые погоды не делали. Тем не менее, обнаружив у срочника телефон, старшина отбирал его, уносил